

**ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЖИЗНИ В РОМАНЕ
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
(Ощущение жизни и смерти в творчестве Достоевского)**

Я люблю жизнь горячо, люблю жизнь
для жизни.

Ф. М. Достоевский

В «Преступлении и наказании» чувствуется что-то странное, что приводит читателя в тяжелое настроение.

Это произведение не является просто развлекательным, интригующим повествованием. В нем рассказывается об убийстве с целью грабежа, совершенном молодым интеллигентом, любившим свою мать и сестру. Однако на самом деле мы не часто встречаем «жестокие» сцены. Наоборот, нередко мы видим веселые сцены с участием многих персонажей, живые описания психологических комбинаций, смешные речи героев. Поэтому я недоумеваю, отчего у меня возникает такое настроение. Сколько ни листай этот роман, чувствуешь какую-то непонятную, спертую атмосферу, говоря возвышенным слогом, чувствуешь как бы присутствие призрака, сковывающего человека и мешающего ему легко дышать.

Наивен тот, кто будет читать роман просто как историю убийства — это становится особенно очевидным в конце романа. «Перерождение» героя Раскольников, случившееся в «Эпилоге», мне кажется странным и нереальным происшествием, если считать произведение рассказом о грабителе-убийце.

Перерождение без раскаяния

Родион Раскольников, бедный студент, в своей теории разделит человечество на два типа людей, когда он размышлял о способе занять прочное социальное положение, не рас-

полагая для этого никакими возможностями. Согласно своей теории он убил старуху-процентщицу, которая должна была стать «материалом» для темных избранных. Он убил и сводную сестру старухи, хотя это и не входило в его планы. Не оставив никаких улик, Раскольников не был поначалу арестован, но вскоре его разоблачил судебный следователь. Раскольников страдал от допросов, не выдержал их и, наконец явился с повинной в полицию. После суда он был приговорен к каторжной работе на восемь лет и заключен в тюрьму в Сибири на берегу Иртыша. «Эпилог» посвящен Раскольникову, который провел в тюрьме уже девять месяцев.

Так как речь идет о преступнике, с которым случилось «перерождение» в «Эпилоге», читатель склонен к тому мнению, что «стало быть, преступник раскаялся».

Однако Достоевский настойчиво отрицает раскаяние Раскольникова. Отбывая срок наказания в Сибири, Раскольников пересмотрел свою теорию и свои поступки и через это все глубже убедился в том, что он прав — об этом автор говорит неоднократно:

«И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отягощающее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении».

«Теперь, уже в остроге, на свободе, он вновь обсудил и обдумал все прежние свои поступки и совсем не нашел их так глупыми и безобразными, как казались они ему в то роковое время, прежде».

«Чем, чем, — думал он, — моя мысль была глупее других мыслей и теорий, роящихся и сталкивающихся одна с другой на свете, с тех пор как этот свет стоит? Стоит только посмотреть на дело совершенно независимым, широким и избавленным от обыденных влияний взглядом, и тогда, конечно, моя мысль окажется вовсе не так... странною» (6; 417).

Нельзя игнорировать так ясно сказанное. Достоевский продолжает точное подробное описание ежеминутного настроения, сознания и психологического состояния Раскольникова. Автор как бы стал честным и опытным инспектором, наблюдающим малейшее изменение в душе юного героя. Согласно докладу этого «инспектора», мы не находим никакого раскаяния у Раскольникова, более того, преступник все еще остался в убеждении, что его «идея» верна.

Что же тогда означает то «перерождение» без раскаяния Раскольников, о котором свидетельствует «инспектор»?

Во время Пасхи каторжник Раскольников лежал в тюремном лазарете и он увидел сны о гибели человечества. Ему пригрезилось, будто появились некие «трихины», «духи, одаренные умом и волей», и началась страшная эпидемия неизлечимой болезни. Люди, зараженные этими «трихинами», тотчас же приобретали уверенность в собственной категорической правоте, в безусловности «своих научных выводов» и «нравственных убеждений и верований». Они не признавали истинности мнений один другого и жестоко истребляли друг друга. Эта язва распространилась по всему миру, и человечество оказалось на краю гибели» (6; 419—420).

«Раскольников мучило то, что этот бессмысленный бред так грустно и так мучительно отзывается в его воспоминаниях, что так долго не проходит впечатление этих горячечных грез» (6; 420) — прозрачно намекает читателю автор.

Это — грустный, мучительный отзвук в душе Раскольникова нового чувства, вселившегося в него из другого мира. Внимательно проанализировав свою прошлую жизнь, он не смог найти ошибки в своей логике и своих поступках. Только «сны» принесли в его душу пробужденное чувство из сферы бессознательной жизни, чуждой его рассудку, позволившему ему найти довод своей правоте.

Именно после этих снов с Раскольниковым случилось «перерождение». Уже выздоровев, он отправился на работу на берег реки. Был ясный и теплый день. Он сел на бревно и глядел на открывающийся перед ним прекрасный вид. Внезапно появляется Соня и садится рядом с Раскольниковым. В то самое время, когда вдруг случилось «перерождение», и был провозглашен Достоевским неожиданный финал романа.

«Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как будто подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени (...) Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. (...) он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, (...) тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью. Это могло бы со-

ставить тему нового рассказа, — по теперешний рассказ наш окончен» (6; 421—422).

Как нам воспринимать такое обстоятельство, что убийца Раскольников воскрес без раскаяния, сам не зная, как это случилось с ним, и постепенно начиная знакомиться «с новою, доселе совершенно неведомою действительностью»? Я могу только предполагать, что на него внезапно нашло новое чувство, отличающееся от рассудочной логики, и вдруг начало в нем действовать. Но такой вывод еще оставляет у меня чувство неудовлетворенности. Итак, на каком идейном основании, с какой точки человеческого мироощущения Достоевский считал такое «воскресение» и «перерождение» Раскольникова возможным и оправданным?

Ощущаемая мысль

Есть немало критиков как за рубежом, так и в Японии, которые считают Достоевского писателем-философом, построившим некий грандиозный мир идеи. Но на основе моих впечатлений от чтения Достоевского, мне кажется, что такая точка зрения должна подвергнуться некоторому пересмотру.

Я признаю, конечно, что Достоевский в своих произведениях очень умело ведет диалог вокруг идеологических вопросов. Впрочем, я говорю «умело» не в том смысле, что писатель построил уникальный грандиозный мир идеи. Но я имею в виду, что он с большим мастерством, в отличие от других писателей, мог описывать идею, объединенную с чувством и настроением живого человека, другими словами — дыхание человека, ощущающего идею. Достоевский понимает идею не как абстрактный знак или специальный термин, строго определенный и совершенно отвлеченный от плоти и эмоции. У персонажей Достоевского идея всегда объединяется с чувством, настроением, телесным ощущением человека. Идея осязательна. Именно в этом и заключается суть глубокого очарования литературы Достоевского, и этим-то и объясняется влияние его произведений на молодежь.

При соединении Достоевским идеи с чувством активную роль, на мой взгляд играет чувство. Его идея и теория часто очень наивны. Когда мы читаем «Двойника» и «Хозяйку», то нам становится очевидным, что основным свойством произведений Достоевского с самого начала стало тонкое сгущенное чутье — чувство и настроение. Достоевский представляет собой писателя, который очень горячо, с энтузиазмом, настой-

чиво и четко описывал разнообразные чувства человека: раздраженное или мягкое спокойное настроение, жуткий страх или восторженное упоение, чувство обновления, мрачное подавленное состояние, горечь отчужденности («я выключен из общества»), агрессивные эмоции... и пр. и пр.

Иначе говоря, все эти чувства и настроения существовали в самом Достоевском, так что ему нельзя было не обратить внимания на то, что испытывает собственная душа. Действительно, Достоевский обладал такой душевной организацией, при которой жестоко страдал от того, что был ко всему слишком чувствителен и был болен «в сильнейшей степени раздражением всей нервной системы»¹.

Незаурядность чуткой «ощущающей» конституции Достоевского мы видим в его реакции на произведения живописи. Увидев березки в пейзаже Куинджи «Вид на Валааме», Достоевский получает огромное удовольствие от «сырости» на картине («сыростью вас как будто пронизает всего, вы почти ее чувствуете»), и придя в восторг, восклицает: «Как это хорошо!...» («Дневник писателя», 21; 70). Излишне говорить о том, что в Базельском музее Достоевский не мог сдвинуться с места, потрясенный картиной Ганса Гольбейна — Младшего «Мертвый Христос». «Когда минут через пятнадцать—двадцать я вернулась, то нашла, что Федор Михайлович продолжает стоять перед картиной как прикованный. В его взволнованном лице было то как бы испуганное выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии», — так пишет его жена в своих мемуарах². «От такой картины вера может пропасть», — сказал Достоевский Анне Григорьевне³.

Насколько мне известно, русские православные не столько склонны иметь точное представление о Боге из богословских сочинений, сколько склонны «переживать» с помощью икон, церковных песнопений, ладана, лампад и т. п. В иконах русские не восхищаются их художественной красотой, а воспринимают их как выражение святой истины. Хороший пример отношения раскольников к иконам содержится в «Запечатленном ангеле» Лескова. Необходимо иметь в виду, что Достоевский был одним из представителей своего народа,

¹ Достоевский Ф. М. Письма/Под ред. А. С. Долинина. Т. I. М. — Л., 1928. С. 90. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

² Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1981. С. 175.

³ Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М., 1922. С. 59.

мироощущение которого было воспитано такой ритуальной религией. Но вместе с этим нам следует признать и индивидуальность Достоевского, которая проявлялась в том, что он был необыкновенно «ощущающим» человеком. Трудно найти человека с такой повышенной чувствительностью, при которой он способен столь сильно потрясаться одной картиной.

«Он Достоевский — К. Н.), так сказать, необыкновенно живо чувствовал мысли. Тогда он высказывал ее в различных видах, давал ей иногда очень резкое, образное выражение, хотя и не разъяснял логически, не развертывал ее содержания. Прежде всего он был все-таки художник, мыслил образами и руководствовался чувствами»¹.

Не ошибся и Лев Толстой, когда прочитал произведения Достоевского: «Он (Достоевский — К. Н.) был человек буйной плоти. (...) Чувствовал многое, а думал — плохо»².

Достоевский был инстинктивно «ощущающим» человеком. Думать и чувствовать было для него неотделимо одно от другого. Отсюда и в персонажах его произведений идея не представляет собой какого-то специального термина, управляемого разумом, а становится ощущаемой силой, напряженно охватывающей человека. Так например, Крафт в «Подростке» застрелился из-за того, что у него «логический вывод обращается иногда в сильнейшее чувство, которое захватывает все существо и которое очень трудно изгнать или переделать» (13; 46). Может быть, вышесказанное кажется странным с точки зрения интеллектуалов, которые всегда принимают «логический вывод» как внешний объект или обобщенный знак. Но это вовсе не странно в мире Достоевского (как и в мире обыкновенных людей, таких как мы, живущих чувством). В мире Достоевского часто встречаются люди, охваченные «логическим выводом», обратившимся «в сильнейшее чувство», люди, которых «съела идея» («Бесы», 10; 469).

Почему с Раскольниковым, глядевшим на ослепительную степь, случилось «перерождение» без раскаяния? Какова природа этого душевного изменения? Для того чтобы объяснить это, необходимо заранее признать то, что Достоевский был таким «ощущающим» человеком.

¹ Страхов Н. П. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

² Горький М. Собрание сочинений. Т. 18. М., 1963. С. 83.

Два ощущения природы

Далее нам необходимо понять, как Достоевский чувствовал мир в целом, как он чувствовал соотношение человека с космосом, с какими ощущениями существовали его герои. Нужно узнать, в частности, как Достоевский и его герои чувствовали и реагировали при соприкосновении с природой — растениями, цветами, водой, воздухом, лугом, солнцем и т. д.

В произведениях Достоевского, например в «Петербургской летописи» и «Белых ночах», часто встречаются такого рода петербургские «мечтатели», которые дрожат всем телом, видя заходящее солнце, или которым «вмиг стало весело», если только они вдохнули чистый воздух на засеянных полях. Природа (лучи солнца, свежая зелень, прозрачный воздух...), словно впрыскивание камфоры, хорошо действует на тело «мечтателя», долго сидящего дома взаперти и ставшего от этого полубольным. Читатели помнят, наверное, что в «Преступлении и наказании» Порфирий и Свидригайлов неоднократно советовали Раскольникову, еле стоящему на ногах, истощенному от физических и нравственных страданий: «Воздуху пропустить, свежего!» (6; 264), «Всем человекам надобно воздуху, воздуху, воздуху-с...» (6; 336). «Оазис», явившийся во сне, очищает и освежает душу и тело Раскольникова (6; 56). В «Идиоте» умирающий Ипполит Терентьев, следуя совету Мышкина, приезжал на дачу Лебедева за «перерождением» посредством «деревьев» и «чистого воздуха», хотя ему в этот момент уже трудно было двигаться (8; 321). Вспомним также Вельчанинова в «Вечном муже». Долго находясь в безнадежно унылом настроении, освободиться от которого было невозможно, Вельчанинов, в прекрасные летние сумерки, посетил кладбище, где похоронили его дочь Лизу. Он очутился в мире природы — тишина, свежий воздух, зеленая трава, жужжание пчелы — и все раздражение и тяжелое уныние, рассеять которые он безуспешно пытался, вдруг исчезли совсем, как будто в воду канули, и он ощутил всем телом, как легко и хорошо жить на свете (9; 63). И тут мы видим отчетливое изображение человека, весь организм которого очищает и успокаивает природа. Известным примером этому служит «зеленый, яркий лист с жилками», представившийся Кирилову, когда он закрыл глаза («Бесы», 10; 188), или «клейкие весенние листочки» Ивана («Братья Карамазовы», 14; 210). Удаленные от непосред-

венной радости жизни, молодые герои Достоевского жадно стремятся к природе как источнику жизни за своим возрождением.

Надо заметить, что в противоположность ощущению природы, приносящему жизненный тонус и радость (сам Достоевский в «Дневнике писателя» называет это «соприкосновением с природой» (23; 86), существует и другое ощущение природы — нестерпимое отчаяние и душевное изнеможение. Умиравший Ипполит Терентьев, думающий о самоубийстве Кирилов и близкий к сумасшествию Иван Карамазов сильно ощущают природу как безжизненную «громадную машину новейшего устройства», как «темную, наглуую и бессмысленно-вечную силу, которой все подчинено» (8; 339), как пространство смерти, безмолвно проглатывающее все, что угодно. Они уже не в силах «изгнать или переделать» ощущение мертвой природы и мечутся в отчаянии. Кирилов с ненавистью кричит «законам планеты», проглотившим даже Христа: «Ложь и диаволов водевиль!» (10; 471). Сатана, второе «я» Ивана Карамазова, говорит так: «Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась; ну, отживала, леденела, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода, яже бе над твердию (Бытие 1; 7 — К. Н.), потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля — ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...» (15; 79).

Иван мучается, охваченный этим ощущением «скучищи неприличнейшей».

Сам Достоевский, так же, как Иван, испытывал нестерпимое отвращение и страдание, захваченный гипнозом мертвой природы, бессмысленно и бесконечно повторяющейся¹. Он чувствовал, что выработанное наукой понятие о сущности космоса и природы в конечном счете сводится к колоссальному механизму смерти. Поэтому он отверг рациональное естествознание, в основе которого лежит принцип «дважды два = четыре»².

Мы должны признать, что эта концепция слишком проста, чтобы получить название «теория» или «мысль». Но внутри

¹ См.: Записная книжка 1863—1864 гг., 16 апреля (20; 172). В рукописных редакциях «Подростка» (т. 16) писатель неоднократно упоминал о дурной бесконечности «вечного повторения».

² См.: Страхов Н. И. «Наблюдения (Посвящается Ф. М. Достоевскому)» // Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 560—564.

его наивной трактовки природы — откровенный вопрос о том, возможно ли бессмертие. Большой интерес и сильное отвращение к естествознанию возникли именно потому, что сам вопрос является действительно серьезным. При этом Достоевский не только спрашивал себя об этом, но и живо и отчетливо представлял себе природу в образах пауков и пресмыкающихся¹. По словам Страхова, он действительно «мыслил образами и руководствовался чувствами».

Итак, ощущение природы, приносящее радость жизни («соприкосновение с природой») и ощущение природы, основывающееся на принципе «дважды два = четыре» и вызывающее нестерпимое уныние — оба они противостоят друг другу, но не находятся в строго определенном отношении, а постоянно смешиваются и запутываются, взаимозаменяются друг другом. В письмах и произведениях Достоевского мы можем найти много примеров, свидетельствующих об этом. Особенно характерны в этом смысле его письма к брату Михаилу в начале 1840-х годов и некоторые сцены романа «Бедные люди». Вот, например, какое настроение у Варвары Доброселовой:

«Как я благодарна вам за вчерашнюю прогулку на острова, Макар Алексеевич! Как там свежо, хорошо, какая там зелень! Я так давно не видала зелени; когда я была больна, мне все казалось, что я умереть должна и что умру непременно; судите же, что я должна была вчера ощущать, как чувствовать! Вы не сердитесь на меня за то, что я была вчера такая грустная; мне было очень хорошо, очень легко, но в самые лучшие минуты мои мне всегда отчего-то грустно. А что я плакала, так это пустяки; я и сама не знаю, отчего я все плачу. Я больно, раздражительно чувствую; впечатления мои болезненны. Безоблачное, бледное небо, закат солнца, вечернее затишье — все это, — я уж не знаю, — но я как-то настроена была вчера принимать все впечатления тяжело и мучительно, так что сердце переполнялось и душа просила слез. Но зачем я вам все это пишу? Все это трудно сердцу сказывается, а пересказывать еще труднее. Но вы меня, может быть, и поймете. И грусть и смех!» (1; 46).

Это расстройство настроения, постоянно колеблющееся между двумя точками — веселостью и мрачностью, возбуж-

¹ См.: Накамура Кэнъносукэ. «Достоевский и Сведенборг». // Росия-го Росия-бунгаку Кэнкю (Бюллетень Японской ассоциации русистов). № 11, 60—72.

дением и унынием — Достоевский рисует такое состояние очень тонкой кистью. Он сам хорошо знал такое смешанное настроение — предчувствие смерти, грустное впечатление от пейзажа, сентиментальное желание и плакать, и смеяться одновременно.

Теперь — о переходе от одного ощущения природы, одного телесного ощущения к другому. Яркий пример содержится в «Подростке», когда Аркадий Долгорукий рассказывает о пятне света, из-за которого он питал раздражение и отвращение к природе, однако такое настроение быстро переходит к душевному спокойствию и радостному сочувствию. Аркадий пишет о своей ненависти так:

«На четвертый день моего сознания я лежал, в третьем часу пополудни, на моей постели, и никого со мной не было. День был ясный, и я знал, что в четвертом часу, когда солнце будет закатываться, то косою красный луч его ударит прямо в угол моей стены и ярким пятном осветит это место. Я знал это по прежним дням, и то, что это непременно случится через час, а главное то, что я знал об этом вперед, как дважды два, разозлило меня до злобы» (13; 283).

Тотчас же после этого Аркадий встретился со старцем Макаром Долгоруким, который, будучи воплощением «благообразия, человека, учил его, что «жить значит радоваться». И тогда солнечный луч, который он только что ненавидел, показался ему совсем другим.

«Я лежал лицом к стене и вдруг в углу увидел яркое, светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно, которое я с таким проклятием ожидал давеча, и вот помню, вся душа моя как взыграла и как бы новый свет проник в мое сердце. Помню эту сладкую минуту и не хочу забыть. Это был лишь миг новой надежды и новой силы» (13; 291).

Чувство неприятного давления «темной природы» и чувство отдаленности от жизни вдруг исчезли у Аркадия, и взамен в его душу вошло чувство примирения и близости к природе как воплощению жизни — так мы можем воспринять это резкое изменение впечатлений.

Приведем другие примеры и рассмотрим их, чтобы лучше понять, каким образом осуществилось «перерождение» Раскольникова.

В заключении «Маленького героя», раннего произведения Достоевского, есть сцена, которая может служить ключом к решению загадки «перерождения» Раскольникова.

Замешанный в так называемом «деле петрашевцев», Достоевский был арестован как «один из важнейших»¹, заключен в одиночную камеру Петропавловской крепости, где он и написал этот рассказ. Писатель провел тревожные восемь месяцев, не зная, когда и как будет решена его судьба. В это время Достоевский сам замечал, что его «нервы расстраиваются», что под ним словно «колышется пол», и видел «по ночам длинные, безобразные сны» (Письма, 1; 126). Но сельский пейзаж в «Маленьком герое», написанном в «бессонном» каземате отражает яркость и теплоту, равную пейзажу в главе «Летняя пора» «Записок из мертвого дома». В конце рассказа мальчик-герой, очарованный видом открывающейся перед ним природы, любит пейзажем на берегу Москвы-реки — просторными полями, холмами, лесами, рекой — и вся панорама окружена блестящим сиянием счастья, без малейших теней.

«Едва переводя дух, облокотясь на траву, глядел я, бессознательно и неподвижно, перед собою, на окрестные холмы, пестревшие нивами, на реку, извиристо обтекавшую их и далеко, как только мог следить глаз, вьющуюся между новыми холмами и селами, мелькавшими, как точки, по всей, залитой светом, дали, на синие, чуть видневшиеся леса, как будто курившиеся на краю раскаленного неба, (...)» (2; 295).

Развертывающаяся тут панорама производит на меня впечатление, что ко мне приближается такое яркое, обширное пространство, что мне становится даже душно, когда я читаю это место. Достоевский дает этот пейзаж в видении мальчика:

«Мое (...) сердце» погрузилось в «какое-то сладкое затишье, будто навеянное торжественною тишиною картины». «Вся душа моя как-то глухо и сладко томилась, будто прозрением чего-то, будто каким-то предчувствием. Что-то робко и радостно отгадывалось испуганным сердцем моим, слегка трепетавшим от ожидания... И вдруг грудь моя заколебалась, заныла, словно от чего-то пронзившего ее, и слезы, сладкие слезы брызнули из глаз моих» (там же).

Обратим внимание на то, что это ощущение «словно что-то пронзило мою грудь» высказывается как «первое сознание и откровение сердца, первое, еще неясное прозрение природы

¹ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971, С. 94.

моей» (там же), хотя читателям еще не известны причины и содержание этого душевного опыта. Это переживание не имеет связи с историей преходящей любви «маленького героя». Это, так сказать, изображение очарования в виде мистического чувства, как бы слияния автора с ослепительной природой. С юных лет Достоевский писал об этом опыте непосредственного соединения тела и души с природой. И он объяснял себе, что через это переживание он впервые отгадал «что-то», иначе говоря, ему открылась тайна вселенной¹.

Ощущение соединения с пышной природой, возникшее в необыкновенно светлое, тихое дневное время, указывает на еще одно проявление той сверхчувствительности Достоевского, о которой мы говорили выше. Предчувствие «новой жизни», захватившее Мышкина в швейцарских горах («Идиот», 8; 51), предчувствие от слияния со сверкающей «новой природой» приговоренного к смерти (8; 52), или чистое сияющее умиление Маркела, брата старца Зосимы («Братья Карамазовы»), (14; 260—263) — все это указывает на одно и то же свойство личности Достоевского.

Как мы видим, природа в виде «темной силы», «дважды два», которую ощущают Иван Карамазов, Терентьев и др., противостоит «новой природе», вызывая ощущение приближения бессмысленной, темной, холодной и безмолвной смерти. К этому разряду «темной холодной природы» следует прибавить и «видение на Неве», о котором Достоевский писал неоднократно после «Слабого сердца». Если у «маленького героя» налицо желание погрузиться и слиться с «новой жизнью», жгучее чувство наступления блестящей «живой жизни», то в примерах, связанных с «видением на Неве», ощущается приближение мира смерти, или по словам Свидригайлова и Федора Карамазова, ужасная близость «совершеннейшего нуля» (14; 123).

Мироощущение Достоевского в своих основных чертах сводится к этим двум сходным, но и взаимопротивоположенным ощущениям жизни и смерти.

Перемена ощущения

Теперь на примере Варвары в «Бедных людях» и Аркадия в «Подростке» нам становится понятнее, как обе вершины

¹ Первое по времени описание такого ощущения космоса, то есть «соприкосновения людского мира с небесным» встречается в письме к брату Михаилу от 31 октября 1838 г.

ощущения смешивались или сменялись друг другом в сознании Достоевского. Ясно и подробно писатель рассказывает о своем горьком опыте перемены ощущения через Ордынова в «Хозяйке»:

«Порой, в минуту неясного сознания, мелькало в уме его, что он осужден жить в каком-то длинном, нескончаемом сне, полном странных, бесплодных тревог, борьбы и страданий. В ужасе он старался восстать против рокового фатализма, его гнетущего, и в минуту напряженной, самой отчаянной борьбы какая-то неведомая сила опять поражала его, и он слышал, чувствовал ясно, как он снова теряет память, как вновь непроходимая, бездонная темень разверзается перед ним и он бросается в нее с воплем тоски и отчаяния.

Порой мелькали мгновения невыносимого, уничтожающего счастья, когда жизненность судорожно усиливается во всем составе человеческом, яснее прошедшее, звучит торжеством, весельем настоящий светлый миг и снится наяву неведомое грядущее; когда невыразимая надежда падает живительной росой на душу; когда хочешь вскрикнуть от восторга; когда чувствуешь, что немощна плоть пред таким гнетом впечатлений, что разрывается вся нить бытия, и когда вместе с тем поздравляешь всю жизнь свою с обновлением и воскресением» (1; 277—278).

Такая смена отчаянного уныния и восторженного упоения была особым видом психической деятельности Достоевского, которая в его организме существовала всегда. И в повседневной жизни эта перемена при разных обстоятельствах и независимо от его воли.

Жена писателя Анна Григорьевна, описывая посещение Достоевским Дрезденской галереи, указывает в своем дневнике, что восприятие ее мужем произведений искусства резко изменялось в зависимости от его настроения:

«Федя (Достоевский — К. Н.) сегодня ужасно прустен, я едва могла его упробить идти (...) Феде, по обыкновению, сегодня ничего не нравится, так что он прежде находил хорошим, теперь на то смотреть не хочет. Это обыкновенно у него бывает, когда после припадка изменяются все впечатления» (26 июня, 1867 г.)¹.

В этом свидетельстве жены писателя мы видим перемену в его мировосприятии, сравнимую с переживаниями Ордынова.

¹ Дневник А. Г. Достоевской 1867 г. М., 1923. С. 155.

Из слов Анны Григорьевны видно, что мировоззрение и мироощущение Достоевского имеют связь с его эпилепсией или эпилептической конституцией психики.

Такая смена и распад ощущения коснулись и религиозных верований Достоевского. В те минуты, когда он «совершенно спокоен» и «любит, и находит, что другими любим», т. е. он сам и другие находятся в отношениях общей жизни и в примирении с действительностью, он верит в существование Бога. В те минуты, когда «делаешься сам несправедлив, зол, гадок» (Н. Д. Фонвизиной, Письма, 1; 142—143), т. е. только он один изгнан из всеобщей жизни, точно как Раскольников перед «перерождением», его одолевают сомнения.

О своей «двойственности» и «распаде» Достоевский рассказывает и в письме к Е. Ф. Юнге: «Вот и поэтому Вы мне родная, потому что это раздвоение в Вас точь-в-точь как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение» (Письма, 4; 137).

Достоевский был человеком со сложной раздвоенной психикой, который всю свою жизнь переживал некоонтролируемый распад разнообразных ощущений — сладость и боль, совместимость и отчужденность, желание смеяться и настроенные плакать, веселая радость и унылая угрюмость и т. д. С юных лет он жаловался, что «Мои нервы не повинуются мне (...). Я смешон и гадок» (М. М. Достоевскому, Письма 1, 107). Он испытывал «вечное страдание», но предчувствовал и верил, что за гнетущим темным туннелем его ждет блестящая гармония (там его ждал и Христос), поэтому не поддавался распаду и удержался. Не только удержался, но и он продолжал думать о жизни и смерти мира, пользуясь этим распадом в своих творческих целях.

Свыше пятидесяти лет бытует мнение, что творчество Достоевского возвещает «наступление восторга через страдание». Противоположность и борьба между восторгом и страданием, про и contra часто совпадают со сменой восторга жизни и тяжести смерти, которые всем своим существом принимал Достоевский всю свою жизнь. Известный тезис «человек любит страдание» у «подпольного человека» (5; 119), например, приобретает у Достоевского реальную действительность.

Перерождение Раскольникова

Итак, с помощью анализа мироощущения самого автора и его персонажей, мы получаем общее представление о том,

как чувствовал Достоевский свое существование в мире, как он воспринимал природу.

Возникает вопрос: при каких обстоятельствах произошло с Раскольниковым его «перерождение» без раскаяния?

Согласно ситуации, описанной в «Эпilogе», мы можем понимать «перерождение» Раскольникова как эманацию сильного света, похожую на «соприкосновение с природой» в «Маленьком герое». Ощущение обновления жизни, как у мальчика-героя, так и у Раскольникова, внезапно возникло в процессе слияния с широкой, великолепной панорамой. В ясный и теплый день, в глубокой задумчивости, Раскольников смотрел на величественный иртышский пейзаж, и в тот момент степь как будто стала «новой природой», заставила его коснуться «другого мира» — источника жизни, и привела его к пробуждению.

«С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь: мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила» (6; 421). Это состояние духа достигло высшей своей точки, в тот же миг произошло воскресение Раскольникова, хотя «как это случилось, он и сам не знал» (там же), но он плакал так же, как и мальчик в «Маленьком герое».

В «Преступлении и наказании» природа воссоздана в виде реальной картины таким же образом, как и в «Маленьком герое». Она является «новой, доселе совершенно неизвестною действительностью» (6; 422) (как говорит Мышкин: «новой жизнью»). Киргизские кочевые юрты на том берегу Иртыша реально существуют (такую же картину нарисовал Достоевский и в «записках из Мертвого дома», ч. 2, гл. 5), и они указывают на тот мир, где «самое время остановилось» и «жили другие люди». Природа, оставаясь природой, в то же время являет Божий мир в законе вечной жизни.

Как и мальчик в «Маленьком герое», Раскольников чувствует, что позади необозримой степи на том берегу встает ослепительный блеск Божьего мира, и его захватила «какая-то тоска». Этот сверкающий мир быстро приближается к нему, появляется перед ним во всем своем могуществе

и силе, отчего и, наконец, его тоска перешла в состояние экстаза, и в этом невыразимом восхищении он ощутил всем своим телом, что земной мир есть Божий живой организм, что он слился с ним — несомненно об этом ведет речь Достоевский.

Одним словом, «перерождение» Раскольникова произошло совершенно независимо от пробуждения осознания своего греха. Оно представляет собой соединение с творящим радость живым организмом, которое суть «соприкосновение с природой», как это называет Достоевский в «Дневнике писателя».

На каторге Раскольников чувствовал, что он один отключен от окружающих его людей. Но под действием «перерождения» у него вдруг пропало чувство отчужденности и возникло такое чувство примирения, словно он разделяет общую жизнь с окружающим миром. Вечером того же дня Раскольников, до сих пор находившийся во враждебных отношениях со всеми каторжными в казарме, сам впервые заговорил с ними и, к его удивлению, «ему отвечали ласково». «В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе», — так пишет автор (6; 422).

Мертвая жизнь

Итак, «перерождение» означает исчезновение чувства отчужденности и рождение чувства примирения и сосуществования. Когда мы, поняв это, перечитываем «Преступление и наказание», то все яснее и яснее видится нить истории Раскольникова. С самого начала романа Раскольников является как человек, которому отказано в «соприкосновении с природой», как раскольник, отколовшийся от полнокровной жизни.

В вступительной части романа, во время жары в начале июля, Раскольников идет медленной и тяжелой походкой. Он нехотя показывается на людях, питает невыразимое отвращение ко всему, что делается вокруг него, даже не сознавая, что сам он окутан чувством ненависти. «Сколько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека» (6; 6).

Дальше в романе это описывается так:

«Одно новое, непреодолимое ощущение овладевало им все более и более почти с каждой минутой: это было какое-

то бесконечное, почти физическое отвращение ко всему встречавшемуся и окружающему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были все встречные, — гадки были их лица, походка, движения. Просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил...» (6; 87).

Когда человек окутан этой густой атмосферой отталкивания и отвращения, то он не может чувствовать радости жизни, он не в состоянии симпатизировать окружающим его людям. Действительность отвратительна для Раскольникова. Он еще живой, но с сердцем, заключенным в склянку «мертвой жизни». Такая «законсервированность» в смерти (т. е. отключение героя от живой реальности) началась еще до совершения им убийства. Этот процесс омертвления сердца героя начался уже давно, убийство произошло лишь случайно в длинном процессе отрезанной от живых «мертвой жизни».

Не зря заметила мать Раскольникова, встретив своего сына после долгой разлуки: «Какая у тебя дурная квартира. Родя, точно гроб» (6; 178). Тут есть «простой реализм» в двух смыслах. Во-первых, чердак действительно был продолговатый и очень тесный, точно гроб; во-вторых, там жил своего рода мертвец. Услышав слова матери, Раскольников, который воспринимал все происходящее вокруг него как «точно на том свете (...) точно не здесь делается» и смотрел на свою мать «точно из-за тысячи верст», сказал в ответ, «странно усмехнувшись»: «Если б вы знали, однако, какую вы странную мысль сейчас сказали, маменька» (там же). Очевидно автор хочет подчеркнуть, что Раскольников уже находится в мертвом мире.

Хорошо известная читателю сцена, где «необъяснимый холод» «дух немой и глухой» терзают Раскольникова на Николаевском мосту (6; 90) — это также результат сгущения глубокой отчужденности от окружающей жизни. В эту минуту Раскольникову «показалось, что он как будто ножами отрезал себя сам от всех и всего» (там же) потому, что он захвачен сильным ощущением разрыва связи с миром.

Ночная сцена на перекрестке перед домом, в котором герой совершил убийство, прямо говорит о «мертвой жизни», в которую он попал:

«... Так идти, что ли, или нет», — думал Раскольников, остановясь посреди мостовой на перекрестке и осматриваясь

жругом, как будто ожидая от кого-то последнего слова¹. Но ничто не отозвалось ниоткуда; все было глухо и мертво, как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него «одного...» (6; 135).

Только он один в изгнании — из всех живых творений мироздания, которые не отзываются ему и к нему обернута лишь их мертвая сторона. О Раскольникове, находящимся в такой страшной пустоте «мертвой жизни», написано так:

«Для Раскольникова наступило странное время: точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение. Припоминая это время потом, уже долго спустя, он догадывался, что сознание его иногда как бы тускнело и что так продолжалось, с некоторыми промежутками, вплоть до окончательной катастрофы (...) припоминая впоследствии и силясь уяснить себе припоминаемое, он многое узнал о себе самом, уже руководясь сведениями, полученными от посторонних. Одно событие он смешивал, например, с другим; другое считал последствием происшествия, существовавшего только в его воображении. Порой овладевала им болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх. Но он помнил тоже, что бывали минуты, часы и даже, может быть, дни, полные апатии, овладевавшей им, как бы в противоположность прежнему страху, — апатии, похожей на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих» (6; 335).

«Тяжелое уединение», «болезненно-мучительная тревога», «панический страх», «апатия, похожая на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих» — таково основное настроение Раскольникова вплоть до окончательного «перерождения». «Преступление и наказание» является романом, автор которого, если так можно выразиться, вел тщательное экологическое наблюдение за холодным полумертвым настроением, пронизывающим героя до мозга костей. Вот почему этот роман производит на меня неприятное, тяжелое впечатление, и когда я листаю его, меня словно захватывают черные руки. Сильное чувство отчужденности и непреодолимая апатия, охватившие Раскольникова, всегда представляют страшную муку для человека как живого существа. Мы вынуждены встретить нечто мучающее нас, когда мы ранены или принуждены стоять перед лицом какого-нибудь кризиса.

¹ Может быть, мы делаем поспешный вывод, но нам кажется, что тут мы видим лицо, ожидающее Христа.

Но всякий человек, пока он жив, живет по мере возможности избежать этой темной и холодной ямы.

Впрочем, именно подобного рода действие на меня романа является причиной, почему свыше ста лет «Преступление и наказание» остается любимым современным романом для многих читателей во всем мире. Тяжелое и страшное состояние ожидания смерти имеет силу приближаться к жизни всех живых без исключения, и это всегда происходит в форме настоящего времени.

Диалектика Раскольникова

Каков же тогда подлинный характер рассудка, который убедил Раскольникова в его правоте и безошибочности?

Достоевский специально подчеркивает, как случилось внезапное «перерождение»: «Все, даже преступление его, даже приговор и ссылка казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом. (...) да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» (6; 422).

По мнению Достоевского, «диалектика» как рассуждение только путем познавательной способности служит, в большинстве случаев, оборонительным щитом, которым скрывает свою неспособность к простому сочувствию тот, кто не в состоянии понять душу другого («щит» носит и агрессивный характер). То же самое было и у Раскольникова. Уничтожив чужую жизнь, он логически «обсудил и обдумал», прав ли он или нет. В сущности, это является фантазией на основе самообмана, и самая «диалектика» такого рода принадлежит только смерти.

Интеллектуальные способности, которыми обладают заключенные в «мертвую жизнь», как например, Раскольников, умеют построить безошибочную логику. Но все же логика остается лишь выдумкой и показным могуществом, посредством нее нельзя преодолеть «мертвую жизнь», нельзя сохранить себя самого. В корне она уже мертва. Согласно Достоевскому, «диалектика» представляет собой выдуманную форму, через которую сближаются те, кто потерял радость жизни из-за отсутствия «соприкосновения с природой». Через формальную логику, т. е. «диалектику» полумертвые окликают друг друга и связываются между собой, и их общение

ширится все больше. Однако это общение посетит прежний, замкнутый характер, и в нем не может быть радости жизни. Оно никогда не превратится в радостный коммуніон (сompііоп = тесная дружба) с живыми другими «я». И пока у человека нет радостного сочувствия к другому, он всегда и вполне подвластен своей недоверчивости и боязни невозвратимой утраты, и на самом деле для него мир вечно «мертв, как камни».

Достоевский так чувствовал и думал. Именно на основе этой мысли он находил в Страхове «несносным и противным» пристрастие последнего к логическому доказательству. «Братство», о котором как об идеале всю жизнь мечтал Достоевский, является непосредственным сочувствием и радостью, «коммунионом» с другими. Можно назвать его термином славянофилов «соборностью». Интеллектуалы в виде полумертвых или «мертворожденных» слишком привыкли к логической коммуникации, их нервы не могут выдержать сильного живого «коммуниона». Им даже нравится, что они остаются «мертворожденными», — так пишет Достоевский в «Записках из подполья» (5; 179). В произведениях Достоевского встречаются пьяные, которые тоскуют по отношениям доверия и взаимной любви без контракта и заклада, и все они чувствуют, что рассудочная коммуникация есть фальшивое общение, особенно сравнительно с глубокой радостью сочувствия всем творениям мироздания. Герои такого типа представляют собой другое «я» самого автора. «Речь о Пушкине» была победой для Достоевского потому, что расстроганные его «пророчеством» и опьяненные радостью слушатели, забыв о старой вражде, обнялись и помирились, как братья. Так осуществился маленький образец «братства». «Смеющийся и веселящийся (ребенок — К. Н.) — это луч из рая, это откровение из будущего» («Подросток», 13; 286); когда мать «первую от своего младенца улыбку приметит», то у нее бывает такая же радость, как «бывает и у Бога (...), когда он с неба завидит, что грешник (...) на молитву становится» («Идиот», 8; 183—184) — все эти мысли исходят из одного и того же идеала. Согласно Достоевскому, именно тот, кто веселится и радуется жизни, не спрашивая о ее смысле и причине, является высшим и наилучшим существом.

То, что рассудок служит палкой или маской, к которым привязываются живущие в «мертвой жизни», что «дважды два есть (...) начало смерти» («Записки из подполья», 5; 118—119), разъясняет диалог Ивана с Алешей в «Братьях

Карамазовых». Иван спрашивает Алешу: «Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?» Иван стремится к «соприкосновению с природой», потому что он отрезан от радости жизни. Но он скрывает себя за щитом рассудка «диалектики». В ответ на тот же вопрос, принимающий мир целиком и всему сочувствующий, «любящий землю» Алеша сказал: «Непременно так, полюбить прежде логики» (14; 210).

Имея такие взгляды на рассудок, Достоевский поставил перед «воскресением» Раскольниковых сны, в которых «научные выводы» вызвали гибель человечества, и заставил героя почувствовать это «так грустно и так мучительно». И после краха былой «мертвой жизни» и осуществления его «соприкосновения с природой», Раскольников вновь приобретает способность сочувствия к другим; автору остается только предсказать: «и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» (6; 422).

Раскольников не говорит, что он раскаялся в своем преступлении. «Перерождение», случившееся после провозглашения: «настала же наконец эта минута...» — вовсе не исповедь. Оно есть резкое изменение мироощущения, крутой психологический перелом, освобождение от отчужденности, возвращение «мёртворожденного» к живой природе. «Перерождение» означает резкую перемену в чувственном мире и в самом чувстве бытия, т. е. родиться вновь в довольно примитивном и первоначальном смысле. И это «перерождение», происшедшее после того как кончилась «мертвая жизнь», представляет собой начало объединения с «живой жизнью» т. е. Божьей вечной жизнью, начало «коммуниона».

Раскольников, когда еще жил в Петербурге, попросил Полечку, маленькую дочь Мармеладова, чтобы она помолилась о «рабе Родионе» (6; 147). Молитву Полечки услышал Бог, и Раскольников воскрес. В журнале «Русский вестник», в котором впервые был напечатан роман «Преступление и наказание», мы читаем вариант, содержащий любимую поговорку Лизаветы, убитой Раскольниковым: «Не пострадешь, так и не порадуешься» (7; 290). Очевидно, эта поговорка намекает на будущую судьбу героя.

В «Записках из подполья», написанных непосредственно перед «Преступлением и наказанием», замысел автора стал неясным из-за цензурных соображений, но все же повесть сохранила схему скверной автобиографии «больного», «мёртворожденного» и ожидающего «живой жизни» человека.

«Преступление и наказание» — социальный роман, изображающий уголок русского общества середины 1860-х годов, и в то же время он является повествованием о «перерождении» молодого интеллигента, который долго проходил через туннель «мертвой жизни» и, наконец, вышел из него и встретил утро «живой жизни». В следующем романе писателя «Идиоте» также содержится трагическая мистерия смерти и жизни. Рогожин, обожающий мертвого Христа и обладающий прозвищем «кладбище», и Мышкин, «Князь Христос» — оба они соперники в любви к Анастасии Барашковой, которая есть «агнец воскресный» (греч. *anastasis* «воскресение»). Во время работы над «Идиотом» Достоевский писал племяннице Соне: «Удостоимся же лучших миров, (и) воскресения, а не смерти в мирах низших!» (Письма, 2; 114). Помимо вышеуказанных произведений, и в «Бесах», и в «Вечном муже», и в «Подростке», и в «Братьях Карамазовых» часто встречаются места, тесно связанные с темой «преодоления смерти и стремление к доброй жизни». Таких примеров не перечислишь.

«Смерть и бессмертие» — предмет глубокого интереса человека, столь же вечный и древний, как и возникновение человеческого самосознания. Тот «проклятый вопрос» также наследован Достоевским, и пронизывает все его творчество, являясь основной темой.

Однако Достоевский не сделал эту проблему привилегией узкого круга «исключительных лиц», таких как Раскольников. Писатель понимал актуальность «вековечного вопроса» для каждого русского, и особенно «наших» интеллигентов, отравленных культурой Запада и «оторванных от почвы», народного цельного духа. Оттого через все его творчество красной нитью проходит мысль о том, как жаждут и ожидают «новой, живой жизни» интеллигенты современной России — «лупатники», «больные», «мертворожденные»¹.

Мироощущение Свидригайлова

Когда мы рассматриваем ощущение жизни и смерти Достоевского в «Преступлении и наказании», никак нельзя упустить из виду еще одного важного героя — Свидригайлова.

¹ См.: Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери». Т. 20. С. 28—29.

В нашей литературе о Достоевском часто высказывается странное мнение, что в Свидригайлове таится что-то привлекательное, располагающее к себе читателей, но в чем именно суть его очарования — неизвестно. Есть также мнение, что он лишний персонаж в сюжете романа. В самом деле, если считать роман сказанием об убийстве, совершенном послушным сыном своей матери, достаточно было бы остальных действующих лиц, таких как Порфирий и его подчиненные, мать и сестра Раскольниковы, Разумихин и Лужин. Действительно роман вышел бы с гораздо болеестройной композицией, если бы мы исключили из состава персонажей Свидригайлова.

Но Свидригайлов был необходим автору.

В первый раз он появился в романе, когда печально налету поймал слова Сони, посетившей квартиру Раскольникова. Тут автор кратко изображает столь многое выражающие глаза Свидригайлова: «Глаза его были голубые и смотрели холодно, пристально и вдумчиво» (6; 188). Достоевский показывает этим, что мысли Свидригайлова сосредоточены на чем-то холодном и зловещем. Кстати сказать, в произведениях писателя душевное состояние персонажа часто отражается на его лице, особенно на выражении его глаз. Наиболее известные примеры: смертник из рассказа Мышкина и Настасья Филипповна в «Идиоте», или Николай Ставрогин в «Бесах».

В лице Свидригайлова подчеркиваются «губы алые», «лицо, похожее как бы на маску», подобно ставрогинскому в «Бесах». Из этого можно сделать вывод о духовной и идейной близости этих двух характеров. Их сближает и то, что оба хотели поехать «в экспедицию на Северный полюс». Мы можем получить представление о Свидригайлове на примере Ставрогина, который попал в «ощущение летаргической неподвижности» (10; 182) и впоследствии погрузился в мертвый мир. Оба они коснулись холодной мертвой силы.

Когда Свидригайлов появляется перед Раскольниковым, нам все яснее виднеется мир, с которым связана душа героя. При первой встрече с Раскольниковым он подробно рассказывает последнему, что его «посещать изволят» призрак его покойной жены, и делает это с таким видом, будто бы он будто и ждал, чтобы рассказать об этом первому встречному. По определению Свидригайлова, «приведения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров», и когда здоровый человек «чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной

порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира» (6; 221). Так выразил он свое мнение о взаимосвязи того света с этим. Кроме того, по его мнению, мы склонны предполагать вечный мир в сверхестественном и чрезвычайно большом масштабе, но на самом деле «вечность» не такая огромная, «будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» (там же). Нечего и говорить, что это как раз ощущение, связанное с вышеуказанной «темной силой», «биллион раз повторявшейся землей» Ипполита Терентьева и Ивана Карамазова.

В этой сцене обнаруживается, что у Раскольниковова мировоззрение, близкое свидригайловскому, иначе говоря, Свидригайлов появился как совладелец «мертвой жизни» Раскольниковова.

Раскольников не удивляется, когда Свидригайлов, поспешно отрекомендовавшись, начинает разговор с необыкновенной истории о соприкосновении с тем светом. Наоборот, он сам увлекается этой темой и, позабыв, что говорит с заклятым врагом Дуни, проговорил неожиданное: «Отчего я так и думал, что с вами непременно что-нибудь в этом роде (т. е. посещение приведения — К. Н.) случается!» Он «в ту же минуту удивился, что это сказал» (6; 219) — так описывает автор. Раскольников знал опыт Свидригайлова, сам не сознавая этого.

«Во-от? Вы это подумали? — с удивлением спросил Свидригайлов, — да неужели? Ну, не сказал ли я, что между нами есть какая-то точка общая, а?» (там же). «Ну, не правду я сказал, что мы одного поля ягоды?» (6; 221).

«Общая точка» Свидригайлова и Раскольниковова в одинаковом отказе от теплого и светлого «соприкосновения с природой» и одинаковой принадлежности мертвой и холодной пустоте космоса. Свидригайлов призван автором для того, чтобы вместе с Раскольниковым воплощать в «Пеступлении и наказании» тему «жизни и смерти». Если мы принимаем, что «Преступление и наказание» изображает не только душевные испытания молодого интеллигента, страдавшего от бесплодных надежд его матери и сестры, но и историю бегства заключенного в «мертвую жизнь» человека — к «живой жизни», то нам становится еще более ясно, что Свидригайлов — не лишний персонаж романа.

Если Соня старается вывести Раскольниковова к «перерождению», то Свидригайлов — олицетворение силы смерти. Не-

смотря на то, что Раскольников называет обоих «помешанными», он колеблется между их взаимопротивоположными «идеями». Образуется своего рода идеологический «треугольник». Юный герой часто колеблется, не зная, к какому из них обоим пойти:

Раскольников «все-таки спешил к Свидригайлову; уж не ожидал ли он чего-нибудь от него нового, указаний, выхода? И за соломинку ведь хватаются! Не судьба ль, не инстинкт ли какой сводит их вместе? (...) может быть, надо было не Свидригайлова, а кого-то другого, а Свидригайлов только так тут подвернулся. Соня? Да и зачем бы он пошел теперь к Соне? (...) Тут — или ее дорога, или его» (6; 354).

В рукописных редакциях «Преступления и наказания» есть следующее предложение: «Он (Раскольников — К. Н.) страстно привязался к ним обоим» (7; 204). Автор подготовил сцену, где Свидригайлов разговаривает с Соней об «хороших идеалах» и говорит, что «я неспособен» (7; 164).

Комнатка — образ вечности

Когда человек «чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше» (6; 221) — эта теория Свидригайлова о переходе в иные миры совпадает с переменной мироощущения у Ордынова, Аркадия Долгорукого и др. Отсутствует определенная граница между тем и этим миром, и они вторгаются друг в друга в живом человеке, в его сознании.

У Свидригайлова нет смены темноты светом, как это было с Аркадием, и его поглощает холодный мрак духовной смерти. У него нет «соприкосновения» с деревенской жизнью или светлой просторной степью. Для него не существует природы как божественной реальности, наполненной радостью общения. Его образ вечности — это «одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки» (6; 221). Эту «вечность», увядшую, потемневшую и холодную, словно предел отчаяния, чувствовали, прикасаясь к ней, не только Ипполит Терентьев и Иван Карамазов, но и Ордынов в «Хозяйке», когда он «бросается в бездонную темень с воплем тоски и отчаяния» (1; 227). Нефедевич в «Слабом сердце» глядел на вечерний пейзаж в Петербурге с «каким-то могучим ощущением», и в эту минуту «он сделался скучен и

угрюм и потерял всю свою веселость» (2; 48). Он также оказался во власти черной холодной руки «вечности». С этим ощущением связана и «тоска людей, боящихся мертвецов», о которой упоминает Иван Петрович в «Униженных и оскорбленных» (3; 208). Такова же суть того «необъяснимого холода», где «все было глухо и мертво, как камни», который чувствовал Раскольников вечером на Николаевском мосту и перед домом старухи-процентщицы. Поэтому «каким-то холодом охватило вдруг Раскольникова» (6; 221), когда он слушал рассказ Свидригайлова о «вечности», и он был поражен невыносимым ужасом.

С помощью какой же поддержки Свидригайлов, более больной, чем Раскольников, сможет остановить свое падение в мертвый омут и выйти на берег «живой жизни»? Страшно далеки от него светлая деревня и яркая степь. Единственный путь возвращения к «живой жизни» для Свидригайлова — поддержка женщин, а именно, Авдотьи Романовны Раскольниковой.

Женщины в произведениях Достоевского

В творчестве Достоевского «женский вопрос» приобретает сложный характер; схема не поможет лучшему пониманию этой проблемы. В настоящей статье я хочу наметить лишь три пункта вопроса.

Во-первых, отношение писателя к современным вещественным вопросам. С ранних лет Достоевский был увлечен мыслью об эмансипации женщины, ее социальной и духовной свободе. Проблески этой мысли видны, например, в рецензии на «Анну Каренину» в «Дневнике писателя». Достоевскому нравится та «сцена смерти героини», в которой, по ее собственному желанию, Каренин и Вронский «простили друг друга» (25; 52). В этом он увидел провозвестие будущего человеколюбивого общества. Он критиковал многогamiю в записной книжке (16 апреля 1863—1864): «Женитьба (...) есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от всех», указывая далее, что «Семейство — это величайшая святыня человека на земле, (...) Но в то же время человек по закону природы, во имя окончательного идеала своей цели (т. е. соприкосновения с природой — К. Н.), должен непрерывно отрицать его» (20; 173). Достоевский полагал, что женщина будущего гуманного об-

щества — добрая хозяйка, которая относится к мужчине, как к своему младшему брату (См.: «Хозяюшка»).

Идеей о гармонии в отношении между полами в идеальном обществе увлекалось много русских интеллигентных мужчин середины XIX в. Подобная идея близка Белинскому, Чернышевскому и, позже, В. С. Соловьеву. К примеру, «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым» (1845, 1846) содержит толкования слов, наглядно отражающих мнения интеллигентов круга Достоевского в 1840-е годы. Статья «моногамия» написана с целью защиты подобного идеала: из-за существования моногамии несправедливо отрицается в обществе «форма брака, удовлетворяющая рациональным требованиям природы человеческой»¹. Если мы проследим за происхождением этой мысли, то ее корни обнаружим в идее первобытного коммунистического общества, столкнемся с заповедью «люди должны быть братьями между собой» (Сен-Симон, Новое христианство) или с фурьеризмом и пр. Сходные типологические близкие идеологии смешивались, рождая идею об идеальных отношениях между мужчиной и женщиной, которая оставляла глубокий след в сердце тогдашнего русского интеллигента.

Во-вторых, надо заметить, что, с другой стороны, Достоевский умел подсмеиваться над идеалистическими воззрениями на половую любовь. Эти идеи пользовались большой популярностью, особенно в смысле критики брака по расчету. Но как пуританство идеалистической свободной любви, так и идиллическое детское воззрение на любовь подвергаются острой насмешке многими героями Достоевского, например, Валковским в «Униженных и оскорбленных».

Стоит внимания и то, что насмешка Валковского исходит не из отвращения к женщине. Напротив, мужчина может найти очарование и в молодой женщине, приверженной «новым идеям» и наделенной идеалистическим складом души (такого типа, как, например, Апполинария Сулова) и захочет покорить и ее сердце каким-нибудь обманным путем. Увидев Наташу Ихменеву, проповедующую «новые идеи», Валковский решает, что она «милая девочка» (3; 357).

В-третьих, для понимания смысла любви Свидригайлова к Дуне важно то, что Достоевский считал женщину существом, уничтожающим страх смерти у мужчин. Ростки этой

¹ Петрашевы — сборник материалов/Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 2. М., 1927. С. 9.

мысли видны уже в «Петербургской летописи» 1847 г. (15 июня): там писатель называет женщин вместе с «солнцем» и «зеленью» в ряду вдохновителей жизненного возрождения «мечтателей», которым отказано в «соприкосновении с природой» (18; 34).

Эту же мысль утверждает и Валковский, столь отчетливо, что она выглядит своего рода жизненной философией. Он противопоставляет женщин смерти и, говорит, что многое способно избавить от боязни смерти, «но главное, главное — женщины...» (3; 365).

Конечно, тут речь идет не о той «смерти», которая служит предметом для философских штудий, а о реальном чувстве смерти, которое, как мы убедились выше, непосредственно ощущаемо человеком. Это та смерть, дыхание которой ясно чувствовал Достоевский вместе с охлаждением тела, во время каждого припадка эпилепсии. Это страшное чувство снимают именно женщины.

По-видимому, эта точка зрения на женщин выработана личным жизненным опытом Достоевского. В самом деле, присутствие женщины облегчающе действовало на страдания Достоевского. Например, в стенографическом дневнике его жены подробно записан ход одного из припадков. Анна Григорьевна ведет себя в этой ситуации как медсестра, ухаживающая за больным, что, кстати, напоминает о Даше Шатовой и Николае Ставрогине:

«Сегодня в 10 (минут) 6-го с Федей сделался припадок, который был, по-моему, очень сильный, сильнее прежних, т. е. гораздо сильнее были судороги в лице, так что голова качалась, потом он довольно долго не приходил в себя, (...) Это припадок ровно через неделю, это уж слишком часто; (...) бедный Федя, как он всегда бледен, расстроен после припадка, но я вот что заметила, он вовсе не такой мрачный после припадка, не такой раздражительный, как был прежде дома, когда я не была еще его женой и как было первое время нашего брака. Сегодня он хотел работать, но писал очень немного, вот опять 4 дня пропало для работы, потому что теперь у него сильное бывает умопомрачение после припадка, дня 4 или 5 он решительно не может прийти в себя»¹.

(Статья о другом припадке) «у него лицо было до такой степени в эти мгновенья страшное, что я просто его испуга-

¹ Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской // Литературное наследство. Т. 86. С. 174—175.

лась (...) Он все говорил, что боится так страшно умереть, и просил, чтобы я посматривала за ним¹, я уверена, что с ним ничего не будет, да к тому же я не буду и спать, буду все слушать, если с ним что-нибудь случится. Он называл меня множеством хороших имен, называл ангелом своим, что он меня очень любит и благодарит, что я за ним хожу и сказал: «Да благословит тебя Бог за это»².

В письмах Достоевского к Анне Григорьевне находится удивительно много прямых выражений любви. Мне кажется, что и тут сказывается телесное ощущение, порождаемое страхом смерти и вызывающее своего рода повышенное настроение у мужчины, которого захватывает непрерывное ощущение пропасти и который не может не обратиться к женщине.

В пределах этой роли женщины в жизни героя Достоевского следует рассматривать и очарование Дуни Раскольниковой для Свидригайлова.

Дуня и Свидригайлов

Дуня очаровывает Свидригайлова тем, что она была женщиной со «страстью к пропаганде», через которую она стремилась возродить распутного мужчину. Дуня «с сверкающими глазами» уговорила Свидригайлова исправиться. «Я, разумеется, почел за честь удовлетворить ее желанию, постарался прикинуться пораженным, смущенным, ну, одним словом, сыграл роль недурно» (6; 366).

«Белоручка» Свидригайлов издевается над идеалистическими воззрениями на любовь, которые провозгласили Чернышевский и его товарищи, но Свидригайлова влечет, словно магнитом, к пылающей идеализмом молодой женщине со сверкающими глазами, пылающей жизненной силой.

«Ох, если бы вы видели, Родион Романович, хоть раз в жизни глазки вашей сестрицы так, как они иногда умеют сверкать! (...) я правду говорю; уверяю вас, что этот взгляд мне снился; шелест платья ее я уже наконец не мог выносить. Право, я думал, что со мной сделается падучая» (6; 367).

Свидригайлов исключительно тонко ощущает в «новой» женщине особое очарование.

¹ Достоевский очень боялся, как бы не случился с ним припадок, когда около него никого не будет. Он опасался, что умрет, ударившись головой об угол стола.

² Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской. С. 189—190.

Мысль о том, что женщина подавляет страх смерти в мужчине и выводит мужчину на берег жизни, ясно излагается Свидригайловым:

«В этом разврате, по крайней мере, есть нечто постоянное, основанное даже на природе и не подверженное фантазии, нечто всегдашним разожженным угольком в крови пребывающее, вечно поджигающее, которое и долго еще, и с летами, может быть, не так скоро зальешь» (6; 359). В женщине есть «la nature et la vérité» (природа и правда) (6; 369).

Рассказывая о женщине—хранителе ощущения пламенной жизни, Свидригайлов проговаривается: «Не будь этого (т. е. разврата—К. Н.), ведь эдак застрелиться, пожалуй, пришлось бы» (6; 362).

Раскольников спрашивает: «А вы могли бы застрелиться?». Свидригайлов «с отвращением отпарировал» собеседника: «Сознаюсь в непростительной слабости, но что делать: боюсь смерти и не люблю, когда говорят о ней»,— так бормотал он робко, даже изменившись в лице (там же).

Таким образом, ясно и отчетливо говорится о том, что Свидригайлова всегда пугает та темная и холодная «вечность», а женщина закрывает собой этот страх «вечности» и удерживает его в жизни.

Помимо Свидригайлова, героями этого типа являются Ставрогин («Бесы»), Версилов («Подросток») и Федор Карамазов («Братья Карамазовы»). Охваченные сильной апатией и ощущением совершеннейшего нуля собственной значимости, они также обращаются за помощью к женщине. Достоевский снова и снова создает коллизию духовно развитой женщины и захваченного ощущением мертвого мира мужчины, который сходит с ума из-за понимания того, что его существование медленно прекращается.

В качестве вывода, отметим, что сцена чрезмерно настойчивого предложения Свидригайлова Дуне Раскольниковой—ее резко критикуют ценители—критики из-за кажущегося простым внешнего вида, каким написан отчет о покушении на изнасилование—была на самом деле символической мистерией жизни и смерти, плоть от плоти мироощущения самого Достоевского. Нельзя и упускать объяснение в любви Свидригайлова, когда он, рассказывая об очаровании Дуни, сказал, что до такой степени «не мог выносить» предчувствие радости, что будто бы с ним «сделается падучая». Через Дуню Свидригайлов предчувствовал экстаз, предшествующий

припадку эпилепсии. Это и есть экстатическое ощущение «слияния с ослепительной природой и, такого же рода восхищение от соединения с живым существом, как варианта того «соприкосновения с природой», которое Достоевский многократно описывал в своих произведениях.

С другой стороны, из этого следует, что Дуня играет лишь роль одной из тех женщин, которыми пользовался Свидригайлов с целью возвращения к «живой жизни». Неоднократно писалось о том, что Дуня — заурядная красивая женщина. Из ее отношений с Разумихиным ясно, что Дуня — упрямая студентка, женщина предприимчивого характера, но, вместе с тем, обычная женщина со здоровым телом. Она очень похожа в этом смысле на Ахмакову, которую страстно обожает Версиков («Подросток»). Одним словом, трагедия «мертворожденного» в его погоне за воскресением — исключительно мужская привилегия, но драмы жизни и смерти нет в жизни Дуни Раскольниковой и Ахмаковой.

Свидригайлов говорит о себе: «А я ведь человек мрачный, скучный. Вы думаете, веселый? Нет, мрачный: вреда не делаю, а сижу в углу; иной раз три дня не разговорят» (6; 386). В полном уединении он все глубже погружается в мрачное, тяжелое, угрюмое настроение и, когда начинает говорить с привидениями, его влечет к «вечности» в образе «бани с пауками». Жалкой попыткой вылезти из ужасного падения и является его предложение Дуне. Поэтому манера его предложения приобрела такой явный вид, что читателям становится даже стыдно смотреть на душевную агонию этого «охотника до женщин» и «белоручки». Но Свидригайлову было не до игры в любовь, которая часто бывает во французских психологических романах. У этого человека коченеет ощущение жизни и ему грозит смерть, если он не покорит эту женщину, пусть даже изнасиловав ее.

О душевном состоянии Свидригайлова, когда Дуня бросила револьвер, не выдержав напряжения, написано так:

«Бросила!» — с удивлением проговорил Свидригайлов и глубоко перевел дух. Что-то как бы разом отошло у него от сердца, и, может быть, не одна тягость смертельного страха; да вряд ли он и ощутил его в эту минуту. Это было избавление от другого, более скорбного и мрачного чувства, которого бы он и сам не мог во всей силе определить» (6; 382).

Это вовсе не простой намек. Свидригайлов почувствовал было, что он близок к избавлению от своего страха смерти, «его покидает призрак мертвой «вечности», но его надеждам

не суждено было сбыться. Его намерение «как бы разом отошло у него от сердца». Поэтому вполне понятно, что тотчас же после категорического отказа Дуни: «Странная улыбка искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаяния» (6; 383). Человек, которому мрачно и тяжело жить, которому всегда угрожает холодная темная рука мертвой бесконечности, попытался сделать отчаянный прыжок на тот берег, переполненный теплым светом, на берег жизни, где можно радостно и спокойно жить совместно с другими, сочувствующими друг другу людьми, и ему осталось так немного до цели — и в это мгновение его оттолкнули. После этого Свидригайлов пошел прямо к смерти. И нет этому другой причины, кроме той, что потеряна надежда на «живую жизнь».

О характере Свидригайлова говорили, что он «привлекательное, но непонятное лицо». На него часто накладывали клеймо «сластолюбца» и «воплощения разврата». Этот ярлык препятствовал выяснению идеи, заложенной в нем Достоевским и помешал понять образ Свидригайлова, развитие которого в романе идет от страха смерти к попытке возвращения к истинной жизни.

В произведениях Достоевского есть персонажи, которых трудно понять с общепринятой точки зрения. Таких персонажей удастся понять, лишь став на место Достоевского, т. е. с точки зрения имевшегося у писателя мироощущения, ощущения жизни и смерти. Пример тому — образ Свидригайлова.

Приняты в «живую жизнь» ослепительной степью и восстановивший свои связи с людьми Раскольников, и брошенная женщиной, потерявший надежду возвратиться к жизни и погруженный в вечный мрак Свидригайлов — эти два героя хорошо передают то живое чувство жизни и смерти, которое пронизывает все творчество Достоевского.

Перевод с японского
Такэтоши Миядзаки